

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Фридо фон Зингер

НИ СТРАХА, НИ НАДЕЖДЫ

ХРОНИКА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО ГЕНЕРАЛА

1940–1945

За линией фронта. Мемуары

Фридо фон Зенгер

**Ни страха, ни надежды. Хроника
Второй мировой войны глазами
немецкого генерала. 1940-1945**

«Центрполиграф»

фон Зенгер Ф.

Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940-1945 / Ф. фон Зенгер — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 5-9524-0471-5

Мемуары Фридо фон Зенгера унд Эттерлина, почти совершенного солдата, усвоившего все лучшие военные германские традиции, проливают свет на внутренние противоречия между воинским долгом и нравственными принципами офицера на службе у нацистского режима. Представитель Германии при франко-итальянской комиссии о перемирии, одна из ключевых фигур при защите Сицилии, генерал подробно описывает организацию германской обороны на подступах к Кассино и аббатству Монте-Кассино – опорному пункту «линии Густава», расположенному южнее Рима, зимой 1943 – 1944 гг.

ISBN 5-9524-0471-5

© фон Зенгер Ф.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
ПРОЛОГ	7
ДОРОГА (26 – 31 МАЯ 1940 ГОДА)	10
НОВАЯ ВОЙНА (7 – 16 ИЮНЯ 1940 ГОДА)	13
ВОЙНА ПЕРЕРОЖДАЕТСЯ	16
ДЕПАРТАМЕНТ ИЛЬ-И-ВИЛЕН	20
ФРАНЦУЗСКИЕ КВАРТИРЫ	23
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАДЕНИИ ФРАНЦИИ	27
Глава 2	29
ФАСАД	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Фридо фон Зенгер

Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940 – 1945

Предисловие

Книга генерала фон Зенгера – одно из наиболее интересных мемуарных произведений командиров Второй мировой войны, а в некоторых, весьма важных, аспектах – и самое впечатляющее из всех. Ни в каких других нет такой поучительной картины боевых условий и тактических проблем этой войны. В то же время она проливает свет на внутренние противоречия и тяжелые размышления солдата, воспитанного на германской культуре и традициях старой армии и оказавшегося на службе у нацистского режима, глубоко противного его чувствам и воспитанию.

Эта книга подтверждает то, что я понял раньше, в период нашей с ним дружбы и доверительных разговоров. В признании заблуждений и зла он более откровенен, нежели большинство его современников, и при этом, из-за своей осведомленности, он сильнее страдает от раздвоенности положения, в котором оказался, и от невозможности найти хоть какое-то решение, которое могло бы облегчить его ум и совесть.

Фридо фон Зенгер во многих отношениях отличался от немецкого генерала – «пруссака» в общераспространенном понимании. Он был католиком из Бадена, города на юго-западе Германии. Непосредственно перед Первой мировой войной учился в колледже Роудса в Оксфорде, и этот опыт оставил глубокий след в его душе и расширил его кругозор. По возвращении в Германию в 1914 году вскоре после начала войны он был призван на военную службу как офицер запаса и наблюдал окопную войну на Западном фронте с позиций пехоты, что помогло будущему генералу обрести понимание тактических реалий. Это открыло ему путь к кадровой военной службе, и по окончании войны он вошел в элитную команду, отобранную для нового рейхсвера. Там он предпочел перевестись в кавалерию – решение, порожденное скорее страстной любовью к лошадям, чем верой в их будущее в качестве военного средства. Гораздо примечательнее то, что накануне предстоящей войны фон Зенгер получил высокий пост в штабе Высшего командования сухопутных войск, а затем и еще более высокие назначения, не пройдя при этом обычного генштабовского пути.

Когда в 1939 году началась война, он командовал одним из немногих оставшихся кавалерийских полков, но в 1940 году стал командовать бригадой, уже моторизованной, которая поддерживала наступление Роммеля на Шербур. После падения Франции его направили в Италию в качестве главного германского офицера связи при франко-итальянской комиссии по перемирию, где он прослужил два года. Его оценка тогдашней обстановки в Италии, существовавших там противоречий и слабых мест весьма впечатляющая. Далее, осенью 1942 года, фон Зенгера отправили командовать 17-й танковой дивизией на русском фронте, где он сыграл главную роль в неудачной попытке спасти окруженную в Сталинграде армию Паулюса. Это обогатило его военный опыт, и он описывает читателю свои яркие впечатления о пережитом. В его дивизии было всего 30 танков, в то время это гораздо больше, чем в других танковых дивизиях, но для пехотных подразделений не хватало необходимых транспортных средств, поэтому, несмотря на название, до настоящей танковой дивизии ей было далеко. При любом реалистичном подсчете германской бронетанковой мощи на тот момент масштабность их успе-

хов в период сражений на Восточном фронте удивляет больше, чем последовавшее ослабление и окончательный крах.

В июне 1943 года Зенгера вновь направили на Средиземноморский театр военных действий в качестве главного германского офицера связи при итальянской армии на Сицилии. Его задачей было организовать оборону этого острова и управлять действиями находящихся там немецких дивизий ввиду неизбежного вторжения армий союзников из Северной Африки. Фон Зенгер дает самую интересную и впечатляющую оценку этой военной кампании, что называется, «со своей колокольни».

Там он настолько владел весьма сложной обстановкой, что это произвело хорошее впечатление на командование, и, несмотря на известное всем критическое отношение Зенгера к нацистскому режиму и фашистам, его направили затем на эвакуацию германских войск с Сардинии и Корсики – трудная задача, которую он умело выполнил. В октябре он получил командование 14-м танковым корпусом, удерживавшим западный сектор итальянского «сапога» и ожидавшим наступления 5-й американской армии под командованием Марка Кларка, в которую входили также британский и французский корпуса. Несмотря на значительный перевес сил противника, танковому корпусу Зенгера удавалось в течение шести месяцев отражать многочисленные атаки союзников и удерживать свои позиции в следовавших одно за другим сражениях у Кассино, пока в мае 1944 года фронт не был наконец прорван в результате охватывающего наступления противника и с фронта, и с тыла.

Рассказ Зенгера об этих сражениях чрезвычайно интересен (и очень хорошо показывает упущенные союзниками возможности), и ценность этого описания велика благодаря многочисленным рассуждениям тактического плана, отличающимся одновременно полнотой и глубиной, что редко встречается в мемуарах боевых командиров. Его оценка весьма объективна не только в отношении боевых действий, но и политических аспектов этой войны, а также в отношении личных качеств главных лиц стран – членов «Оси». Такая объективность делает его свидетельства о неоправданном разрушении аббатства Монте-Кассино массированными бомбардировками еще более впечатляющим и убедительным.

После прорыва германского фронта южнее Рима Зенгер помогал сдерживать продвижение союзников на реке Арно, а затем их осеннее наступление, когда его корпус удерживал район Болоньи на восточном фланге. Описание генералом заключительных сцен войны в Италии еще более удивительно, и оно является подлинным вкладом в историю. Книгу завершают две особо ценных главы – «Стратегические разногласия союзников» и «Причины поражения гитлеровской Германии» – и, наконец, заключительная глава «Плен» о послевоенной жизни генерала.

В итоге это книга, которую не может позволить себе пропустить ни один человек, интересующийся военной историей.

*Капитан Б.Х. Лиддел Гарт*¹

---

¹ Гарт Базил Лиддел (1895-1970) – английский военный теоретик и историк. (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава 1

КАМПАНИЯ НА ЗАПАДЕ

ПРОЛОГ

Мир уже закончился, хотя в ту зиму 1939/40 года война для меня еще не началась. Я не принимал участия в Польской кампании. 3-й кавалерийский полк, которым я командовал в мирное время, разбросали по разным частям. Затем мною был сформирован новый, 22-й кавалерийский полк, перед которым стояла задача усилить единственную существующую кавалерийскую дивизию. Несколько недель спустя я стал преемником командира моей бригады генерала фон Вальденфельса, скончавшегося в районе сосредоточения наших частей вблизи голландской границы.

Я отлично понимал, что в современной войне кавалерия анахронизм, но, тем не менее, оставался верным этому роду войск с тех самых пор, как начал в нем службу после Первой мировой войны. Все это напоминало жизнь на острове. Увеличение численности армии началось при режиме национал-социалистов, а структурные изменения в вермахте вступили в силу 30 июня 1934 года. Но это увеличение не распространялось на кавалерию, которой удалось сохранить своих специально подготовленных офицеров, набранных в основном из старого прусского офицерского корпуса. Поскольку сам я родом из Южного Бадена, у меня не было традиционных связей с этими пруссаками. И все же они мне нравились, возможно, потому, что в нынешних обстоятельствах не представляли какой-то реальной силы, так как прусская идея в Германии явно капитулировала перед национал-социализмом.

Так получилось, что еще несколько безоблачных месяцев этой суровой и снежной зимы я провел среди своих младших товарищей. Фактически мы все еще пребывали в состоянии мира в тихих сельских домиках в районе Южного Ольденбурга и Вестфалии. Мой денщик, по фамилии Фейрштат, был славным малым. Спокойный светловолосый парень, поздний ребенок сельского жителя из Гарца, он находился при мне с геттингенских дней. Он был предан моей семье и всегда украшал цветами фотографию П. Среди других денщиков он мало чем выделялся, поскольку был тихим и скромным. Не стремился к общению и популярности, и меня это вполне устраивало. Поскольку дел у него было немного, он обычно часами читал Библию или сидел в прострации перед окном.

Все наши офицеры, как и в мирное время, имели своих лошадей. У меня было три строевых коня, средневеса, и поддержание их в нужной кондиции было для меня одновременно источником радости и здоровья.

Велись военные приготовления для пока неопределенной, вероятной кампании на Западе. Проводились тактические учения, во время которых в деталях отрабатывался марш в Голландию.

По воскресеньям мы совершали короткие экскурсии к ближайшему участку границы у Стрине и обозревали эти места с некоторым любопытством, словно там еще были окопы, как во времена позиционных боев Первой мировой войны. Весна усыпала стройные ряды боярышника желтыми цветами, украсившими колючие изгороди. Одна-две снежные метели проводили зиму, и появилось теплое солнце.

В своем кругу, то есть среди давнишних и наиболее близких друзей-офицеров, я мог обсуждать ситуацию без всяких опасений, или, как говорил мой приятель Бааде, «выражать свои взгляды». Мы как-то неопределенно размышляли о перспективах развития событий на Западе, ибо при нашей инстинктивной неприязни к правительству мы в него не верили, а вос-

поминания о Первой мировой нас тревожили. В какой-то степени мы доверяли Браухичу и Гальдеру², потому что никто не мог назвать их нацистами. Имея основательную военную подготовку, они могли более трезво судить о западном противнике, чем Гитлер со своими советниками. Хотя офицерский корпус кавалерии представлял собой ничтожное меньшинство, его прусское мировоззрение отражалось в некоторой степени на других родах войск. Но от старой прусской системы сохранилось нечто более важное Генеральный штаб с его традиционно реалистичной оценкой перспектив войны против западных держав. Общение со многими офицерами в Берлине, где я несколько лет прослужил в Высшем командовании сухопутных войск, поспособствовало укреплению во мне военного скептицизма, который я уже ощущал и с политической точки зрения. Я вспоминаю сейчас беседу с начальником Высшего командования сухопутных войск генералом фон Гаммерштейном, ушедшим в отставку вскоре после прихода Гитлера к власти. Генерал был уверен, что наша политика превратит нас во врагов Запада и приведет к поражению.

Теперь, когда над нами нависла угроза войны, я понимал, что личности вроде Гаммерштейна и Бека³ были лишь немногочисленной элитой внутри Генерального штаба, хотя и занимали такие важные должности, как генерал-квартирмейстер, начальник управления, но Генеральный штаб был огромным.

В Берлине, как и в провинции, существовал иной тип офицеров, все мысли которых сводились только к военным проблемам. Эти люди не обладали способностью к высокому стратегическому мышлению, не умели мыслить и политически. Постепенно они побеждали числом и влиянием, ибо устраивали правящий режим больше, чем высокообразованные офицеры Генштаба. Такие политически не образованные офицеры тоже пробивались в Генеральный штаб, ОКБ (Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии) и ОКХ (Высшее командование сухопутных войск). Некоторые своим чисто военным патриотизмом напоминали служившего для них образцом Людендорфа⁴, другие же, в особенности те, кто помладше, были просто сыновьями людей, которые более или менее восторженно принимали новую власть. В такой ситуации мне казалось маловероятным, что Генеральный штаб использует свое влияние для предотвращения новой мировой войны. И все же я не терял надежды.

Поэтому я испытал шок, когда вечером 9 мая 1940 года поступил секретный приказ о вторжении в нейтральную Голландию. Меня охватила какая-то усталость, вроде той, что я испытывал перед атаками во времена Первой мировой войны, – ощущение, что мне любой ценой необходимо в последний раз как следует выспаться. С наступлением ночи я отправился на командный пункт, расположенный на заранее выбранной передовой позиции, с него я должен был управлять начальными действиями основных сил своей кавалерийской дивизии. В эти последние дремотные часы я испытывал сильную тревогу – нечто похожее на страх или напряжение перед выходом на сцену, или перед трудной скачкой по пересеченной местности, или при столкновении с неизвестностью судьбы. Вероятно, это был просто страх.

С утра 10 мая сообщения с фронта оказались не более благоприятными, чем в течение прошедшей ночи. У меня складывалось впечатление, что полки остановились перед голландскими укреплениями, которые, по нашим предположениям, должны были быть слабыми. И я немедленно отправился вперед на командные пункты батальонов и рот. Один из ротных командиров подтвердил мои опасения. В цепи пехоты я заметил легкий танк из нашей дивизии, ведущий огонь по ближайшему голландскому блиндажу. Поскольку пулеметы из этого блиндажа заставили пехотинцев залечь, я укрылся за нашим танком. Едва ли это было правильно,

² Браухич Вальтер фон (1881 – 1948) – генерал-фельдмаршал (1940), в 1938-1941 гг. главнокомандующий сухопутными войсками. Гальдер Франц (1884-1972) – генерал-полковник (1940), в 1938 – 1942 гг. начальник Генштаба сухопутных войск.

³ Бек Людвиг (1880 – 1944) – генерал-полковник, с 1935-го по август 1938 г. начальник Генштаба сухопутных войск.

⁴ Людендорф Эрих (1865-1937) – немецкий генерал, один из идеологов германского милитаризма, автор концепции «тотальной войны».

ведь танк привлекает огонь противника, но случается делать и так. За ним укрылся и молодой лейтенант фон Кекериц. Его ординарец повернулся ко мне и сказал: «Господин лейтенант ранен, он очень плох». Я ответил: «Сынок, господин лейтенант умирает».

В этот момент произошло неожиданное. В небольшом голландском бункере подняли белый флаг. Наши войска прорвали оборону и быстро начали продвигаться вперед.

Моя бригада (согласно плану) должна была из гаваней Леммер и Ставерен форсировать залив Зюйдер-Зе⁵ и войти в Северную Голландию. Эскадронам следовало погрузиться на многочисленные мелкие рыболовные суда, которые должны были буксировать более крупные. На последних устанавливались полевые орудия и минометы для обеспечения прикрытия при высадке. Входы в гавани были перекрыты затопленными судами, и сначала надо было их взорвать. Море сильно штормило. Мне представлялось, что не может быть и речи о захвате имеющимися у десанта средствами противоположного берега, в случае если мы встретим там хоть какое-то организованное сопротивление. Успех могла принести только внезапная атака. Я уже говорил об этом во время предварительных тактических учений и теперь был решительно против того, чтобы рисковать успехом операции, пока мы не добьемся господства в воздухе над Зюйдер-Зе.

В Духов день я приехал в Ставерен, чтобы проверить, как идет подготовка. С моря подошел небольшой боевой корабль и сначала встал на якорь, чтобы понаблюдать за нами. Когда он выпустил первый снаряд, все бросились прятаться в дома. Я нашел некоторое подобие укрытия на улице, где чувствовал себя в большей безопасности. Снаряды рвались в течение часа с равными промежутками. Все это время я просидел скрючившись за грудой кирпича. Ответный огонь из наших легких полевых орудий оказался совершенно неэффективным, хотя корабль находился всего в километре от них. Один снаряд с эсминца попал прямо в наш оружейный расчет. Этот Духов день выдался ужасным. За той кучей кирпичей у меня возникли какие-то грустные мысли. Показалось невыносимым, что придется, возможно, прервать чью-то жизнь в этой незащищенной стране. Передо мной под весенним солнышком лежала маленькая гавань с разноцветными лодками. Я вполне мог бы приехать в это местечко с П., даже посидеть с ней в небольшом кафе за чашечкой утреннего кофе. Но пассажирский пароход, гостеприимно предлагавший такое мирное путешествие, уже был разрушен снарядом.

Когда Голландия капитулировала, в десантной операции уже не было смысла, и ее отменили. Между 16 и 18 мая бригада вернулась на свои старые квартиры на границе. Местное население радостно приветствовало нас как победителей. Но меня охватывало чувство боли и жалости к невежеству тех, кого ввели в заблуждение. Кальвинисты были замкнуты и, держась настороженно, шли в церкви в своих национальных костюмах.

Затем нашу кавалерийскую дивизию направили вслед за танковыми дивизиями группы армий Рундштедта по дороге, которая была мне хорошо знакома. Когда-то германские войска осуществили здесь прорыв, и это было самое горячее место. Придется ли нашей последней кавалерийской дивизии вступить в бой еще раз? Это казалось весьма сомнительным.

---

⁵ На современных картах залив Эйсселмер.

ДОРОГА (26 – 31 МАЯ 1940 ГОДА)

Говорили, что под Ватерлоо было большое танковое сражение, но мы мало видели этому свидетельств – лишь пару брошенных танков.

Во время выдвижения к югу от Брюсселя бригада впервые оказалась в районе, который покинуло гражданское население. Общее впечатление – хаос и беспорядок. Однако адъютанту удалось найти для меня квартиру на вилле, построенной в английском стиле и окруженной громадным парком с пологими холмами. В парке цвели гортензии. Обычные ассоциации со словом «война» – чужие страны, угроза гибели, неопределенность, враждебно настроенное население, насилие, разлука – грубы и резки. А для меня эта грубость была смягчена тем, что я вернулся в свой «военный дом». Этой же самой дорогой я прошел во время вторжения 1914 года. В 1915-1917 годах это была дорога, по которой осуществлялось снабжение армии, в 1918-м – дорога нашего отступления, и в 1940-м она опять стала нашей дорогой. Волей судьбы она опять превратилась в дорогу войны, спустя одно поколение, дорогу с теми же самыми названиями: Монс-Валансьен-Дуэ-Ланс-Лоретто. В те давние дни я шел по ней лейтенантом, а теперь – бригадным командиром. Я взглянул на хозяйку занятой для меня квартиры. Она смотрела на меня и не верила своим глазам, с трудом узнавая лейтенанта фон З. Неужто это тот самый человек, что стоит сейчас перед ней...

Пока бригада неспешно продвигалась вперед, мне удалось несколько раз отклониться от маршрута, чтобы воскресить кое-какие воспоминания. Поэтому я легко отыскал дом в Женеве, где впервые встретил П. в последний год Первой мировой войны. В те годы она носила форму медсестры Баварского Красного Креста, из-под шляпки на лоб выбивались завитки волос, своим четким овалом лица с большими глазами и яркими губами она напоминала Марию-Антуанетту.

Ее личная маленькая комнатка в солдатском центре отдыха, которым она заведовала, отличалась хорошим вкусом. Несколько предметов старины придавали этой комнате атмосферу покоя, а книги свидетельствовали о литературных увлечениях ее обитательницы. Яркими красками пылали цветы, а несколько фотографий в серебряных рамках раскрывали происхождение хозяйки. На них были изображены офицеры в изящных кирасирских шлемах, казавшихся даже в те времена чересчур старомодными, а также красивые женщины в скромных позах с нитями жемчуга на шее.

Эта комната, в которой судьба моя совершила новый поворот, обрушила на меня поток воспоминаний. Множество несоответствий между нами, казалось, мешали обычному любовному союзу. Веками наши уважаемые семьи жили в разных частях страны: ее – в Бранденбурге, моя – на юге Бадена, но даже не это оказалось для нас препятствием. П. «дебютировала» в Берлине эпохи Вильгельма и часто посещала те большие дома, которые никогда не были в прусской военной касте, к которой принадлежала ее семья. Когда началась Первая мировая война, я только что вернулся после двухлетнего обучения в Оксфорде, где приобрел космополитические взгляды на национальные традиции и условности. Никогда в моем характере не было такого, чтобы судить о людях по месту их происхождения или по их национальности.

Из задумчивости меня вывел адъютант. Нам надо было возвращаться на основную дорогу, чтобы не упустить какого-нибудь связного. В пути я молчал. Прошлое держало меня в своих тисках, я испытывал смешанное чувство наслаждения и боли. Ныне я был разлучен с П. безвозвратно. В памяти возник ее образ в недавнем прошлом – верхом на ирландской гнедой, моей любимой, она охотилась на лис, сидя в дамском седле английского образца и на английский манер. С многолетним охотничьим опытом она приобрела отличную посадку, и я давал ей резвых и надежных лошадей, которые во время псовой охоты на лис уверенно брали самые крутые препятствия. Что касается верховой езды, П. придерживалась итальянской

школы, давним приверженцем которой был и я. Даже в дамском седле она умела сидеть прямо, чтобы облегчить нагрузку на спину лошади. Шея лошади обычно была полностью вытянута и во время прыжка составляла со спиной одну линию от носа до хвоста.

Видимо, теперь все это ушло навсегда. Три лошади, идущие где-то в колонне штабного эшелона, казались мне дорогостоящими игрушками уходящей эпохи. Я вспоминал их всех поочередно, за много лет, как высовывают они свои головы из больших денников, глаза жаждут движения, уши топорщатся, шкуры блестят: Проглот, Аксель, Странствующий Рыцарь, Гелиотроп, Шутник, Титан, Квартус, Кветта, Королевский Орел. Скоро уже не останется лошадей, делящих невзгоды войны со своими хозяевами.

Дорога... Она выдернула меня из этого мира грез там, где шли вперед усталые эскадроны. Именно здесь в 1914 году был слышен грохот орудий на проходящем неподалеку фронте. Тогда она выглядела более мирной, чем теперь. Ныне зрелище было ужасное – непрерывный поток беженцев, человеческих существ, связанных общим несчастьем. Одни лежали или сидели на повозках, другие, усталые, со сбитыми ногами, брели пешком, толкая вперед ручные тележки или велосипеды, нагруженные уздами. Переполненные грузовики тащили за собой прицепы со скоростью пешеходов. Однажды я видел людей, облепивших задрапированный катафалк. Самым печальным для меня было смотреть на стариков, которые безнадежно отставали, и на детей, которые не плакали. Они часто стыдливо останавливались у полевых кухонь, эти голодные люди, принадлежащие к среднему классу, в элегантных шляпах и башмаках, матери, в чьих глазах была мольба за своих детей.

В Эрсене, небольшом городке западнее горы Лоретте, я прождал два дня, пока подойдут все эскадроны. Это та самая гора, где в 1914-1915 годах мы месяц за месяцем вели бои. До Вердена она, как мельничный жернов, висела на наших шеях в той бессмысленной войне на истощение. В те дни на вершине ее стояла разрушенная часовня, а теперь все пространство вокруг превращено в огромное кладбище. Кроме множества крестов, на нем есть и большая братская могила для останков разорванных на куски тел, которые невозможно было собрать воедино. Бесчисленные тысячи солдат пожертвовали здесь своей жизнью, чтобы в результате получить несколько футов земли. Надпись на надгробии гласила:

«Ты, странник, ступивший на эту Голгофу и эти тропы, некогда затопленные кровью, услышь крик, идущий из гекатомб: «Люди Земли, объединяйтесь. Человечество, будь человечным!»

И на обратной стороне:

«Груды костей, оживленные когда-то гордым дыханием жизни, ныне просто разрозненные части тел, безымянные останки, человеческое месиво, священное скопление бесчисленных мощей – Господь узнает тебя, прах героев!»

Если верить боевым донесениям нашей армии, сейчас войска штурмом взяли эту гору, однако никаких признаков этого мы не заметили, не считая одного подбитого танка и воронки от снаряда, еще раз потревожившего мертвых. Не было ни окопов, ни артиллерийских позиций, ни свежих могил, ни поля боя.

На скале Вими, некогда месте тяжелейших боев, расположился сейчас колоссальный канадский военный мемориал. После Первой мировой войны какой-то предприимчивый бизнесмен сохранил часть окопов, зацементировав их стены. Противники располагались здесь друг против друга на расстоянии от десяти до двадцати метров, избегая таким образом взаимного артиллерийского обстрела. Для привлечения туристов на месте боев оставили несколько разбросанных предметов вооружения: на одной стороне – «пикельхаубе», 8-миллиметровые пулеметы, а на другой – соответствующие британские реликвии.

На этот раз война просто пронеслась мимо горы Лоретте, как порыв ветра. В этих окопах, тщательно построенных для предыдущей войны, войска союзников снова оказали короткое сопротивление и снова бросили часть британского вооружения.

Я провел в Эрсене три дня, но теперь уже «по другую сторону» Нотр-Дам-де-Лоретто, так что смог наконец-то увидеть то, что когда-то мы пытались рассмотреть через стереотрубу. В Камбре была сформирована новая, моторизованная, Зенгерская бригада. Здесь меня тоже охватили грустные воспоминания, но уже другого рода. Я разыскал место, где 1 декабря 1917 года выкопал из общей могилы тело моего брата. Он был летчиком-истребителем, и его самолет сбили накануне первого в истории танкового боя. Под ясным зимним солнцем я долго искал точное место захоронения, пока после бесконечных расспросов не убедился, что нашел его. С парой помощников мы долго копались в общей могиле, а в это время мимо нас мчались в контратаку немецкие танки в этом первом танковом бою у Камбре. Английская артиллерия вела огонь по наступающей пехоте, и нам приходилось прятаться в разрытой могиле. Иногда нас засыпало по пояс. Все-таки нам удалось вытащить тело брата, лежавшее в нижнем из трех слоев трупов. Но санитары категорически отказывались выносить его под шквальным огнем. Тогда я взял ноги покойного под мышки, подтащил к своей машине и впихнул на сиденье рядом с собой.

Неподалеку от этого поля боя 1917 года и деревень Бурлон и Мевре стоял замок Аврикур, где в качестве адъютанта 14-го резервного корпуса я жил после весеннего наступления 1918 года. Замок был стерт с лица земли. Но после войны его отстроили заново, и теперь в нем располагалась армейская группа фон Бока, из состава которой формировалась моя бригада.

НОВАЯ ВОЙНА (7 – 16 ИЮНЯ 1940 ГОДА)

К этому времени я уже полностью избавился от чувства «страха перед сценой», охватившего меня в Голландии. Просто хотелось поскорее вступить в схватку. Пока комплектовалась моя бригада, я выезжал все ближе к линии фронта, где шли бои. Мы форсировали Сомму в том же месте – в Перонне, где я провел много месяцев во время прошлой войны. В те дни приходилось заменять орудия каждый вечер, как теннисные ракетки, поскольку они ежедневно изнашивались до непригодного состояния. Теперь же не слышалось ни грохота орудий, по которому можно было определить направление главных ударов, ни каких-либо звуков проходящих боев. Преодолев «линию Вейгана», мы впервые увидели нечто напоминающее поле боя. Боевой целью была высокая стена парка, служившая противнику опорным пунктом. За несколькими рядами тщательно подготовленных земляных укреплений лежало несколько трупов и множество военных трофеев. Как бывало после крупных сражений в 1916 году, так и сейчас мимо тянулась бесконечная колонна пленных, усталых, ко всему безразличных и подавленных. Наша попытка достичь линии фронта провалилась. Деревни были слишком загромождены и разрушены артиллерийским огнем. В одном месте солдаты выкатили на дорогу бочонок вина и наполняли им кружки всех проходящих мимо. Из магазинчика по соседству какой-то человек выкидывал по зонтику в каждую проезжавшую машину.

Мою бригаду направили действовать совместно с танковым корпусом Гота (который провалился к Руану), чтобы прикрывать его с левого фланга на юго-восточном направлении, то есть по дороге к Парижу. За двадцать пять часов мы преодолели двести километров, в жуткой пыли, часто по тем дорогам, по которым шли основные колонны. Танковые дивизии совершили прорыв, но брешь оказалась узкой. Пехотные дивизии слева и справа от них не могли двигаться так же быстро. Приходилось окружать населенные пункты и основательно их прочесывать, неся потери. Бомбардировщики противника атаковали место прорыва с воздуха, что тоже вело к потерям людей и техники.

Мой адъютант, сын генерала Фельдта, наехал в своем гусеничном транспортёре на мину, погибли все, кто ехал вместе с ним. Этого молодого офицера я взял в свой штаб и в тот день, чтобы не подвергать опасности, отправил его в тыл. В Польской кампании у него погиб брат. И теперь я должен был выполнить печальный долг – написать их отцу, командиру артиллерийского дивизиона, что у него больше нет сыновей. Прошло всего три дня с тех пор, как я заезжал к нему на позиции и забрал его сына с собой.

Известие об этой тяжелой лично для меня утрате настигло нас в старом деревенском доме, где я надеялся провести несколько спокойных часов. Справа открывался чудный пейзаж, освещенный ярким июньским солнцем, слева стоял старинный резервуар для воды и еще один дом. На войне всегда выпадали часы, дышащие атмосферой мира, даже здесь. Ничем не запятнанная красота земли излучала какое-то счастье, которое смешивалось в душе со скорбью о судьбах друзей.

Моя бригада выдвинулась на передовую у самой Сены. Оказалось, что два моста, которые я намеревался захватить, уже взорваны. Подразделения бригады форсировали Сену. Развивающие наступление корпуса Манштейна взяли их с собой, подчинив командованию одного из корпусов, так что временно они вышли из-под моего управления.

Некоторое время я отдыхал в небольшом увеселительном заведении, уже пахнущем Парижем. Одна часть городка горела, и жар был просто удушающим. Я послал за бутылкой шампанского в подвал разрушенного здания, а пока ждал, наблюдал за шестью пуалю⁶, ошипы-

---

⁶ Пуалю – шутовское прозвище французского солдата, рядового (особенно во время Первой мировой войны).

вавшими цыплят у полевой кухни. Двое других копали могилу для убитого местного жителя, лежавшего на мостовой и взиравшего на проходящих мимо людей остекленевшими глазами.

Потом я добрался до Руана, в котором горели дома по всему левому берегу реки и старая часть города на правом. Все магазины были закрыты. Некоторые хозяева, подчинившись приказу, открыли свои лавки, но ничего, кроме фруктов и печенья, в них не было. С берега реки пулеметчики вели огонь по мародерам и людям, скрытно пробиравшимся по опустевшим улицам. Пожарная команда пыталась укротить огонь. Офицер, старавшийся спасти собор, выстрелил в человека, который якобы хотел на него напасть, шофер держал этого человека за шиворот. На обратном пути я глядел на море дыма от горевших танков. Над дымом возвышалось чудо готики – Руанский собор, языки пламени взлетали по лесам вокруг одной из его башен.

На следующий день мы совершали марш, не вступая в соприкосновение с противником и держась позади танкового корпуса. Этот день оказался одним из самых подходящих для прекрасного «пикника». Сельская местность в стороне от дороги выглядела совсем мирной, словно один большой парк с высокими живыми изгородями вокруг небольших укромных лужаек. Кое-где пейзаж напоминал английские гравюры XVIII века: сияющий под июньским солнцем цветник, на заднем плане – сельский домик под соломенной крышей, из приоткрытой двери конюшни виднеется круп белой лошади.

Во время этих эпизодических боев наша повседневная жизнь вошла в определенный ритм. К пяти вечера заканчивался наступательный порыв и боевой пыл охлаждался. Тогда мы выбирали какой-нибудь симпатичный тихий сад, и нам подавали чай. Если никаких приказов не поступало, все продолжали бездельничать и вели себя как счастливые туристы, совершающие романтическое путешествие на авто. Разведчиков высылали вперед, чтобы подыскать место для ночлега. Дни всегда были спокойные.

Однажды разведчики наткнулись на большой нормандский замок Мотвиль, принадлежащий графу Жермини. Еще ни один солдат не переступал его порог, но он был совершенно необитаем. Цветочные клумбы недавно политы, из открытой двери церкви льется свет. В десятках комнат для гостей мы обнаружили застеленные постели, кладовые были полны шампанского «Редерер», в гостиных лежали свежие номера «Таймс» и «Ревю де де монд». Надев после ванны свежее белье (одолженное мной у одного из офицеров, так как мое пропало вместе с подорвавшимся на mine транспортером), я погрузился в долгий и глубокий сон. На следующее утро я завтракал в одиночестве, наблюдая простиравшиеся вдаль луга. Словно избалованный гость, я засиделся с сигаретой за каким-то чтивом так, будто впереди у меня был долгий тихий день в деревне.

Иллюзия разрушилась, как только я дошел до гостиной. Меня ожидало множество офицеров: слева стояли пленные французы, справа – немецкие командиры и адъютанты, жаждущие переговорить со мной.

Моя бригада вела наступление вниз по течению Сены к Гавру, чтобы помешать окруженным войскам противника прорваться через реку в южном направлении. Управление боевыми действиями осложнялось тем, что наши войска продвигались сразу с нескольких направлений. В Сен-Ромене имели место небольшие бои с незначительными потерями. В нашем тылу в руках противника все еще оставалась деревня Больбек. Дорога была довольно опасной: слева – река, справа – крутые обрывы, поэтому колонна не могла защищать свои фланги.

В тот вечер, когда мы обедали в ресторане в Сен-Ромене, за соседними столиками сидели беженцы. Мы обезопасили себя со всех сторон и выбрали для постоя больницу, сестра-хозяйка которой выразила мне наутро признательность за то, что ее худшие опасения не оправдались.

Затем бригада продолжила наступление к Гавру, в который мы должны были войти, по возможности, «без тяжелых потерь». Поскольку никакого сопротивления мы больше не встречали, а все прорвавшиеся части были уже за Сеной, нашей бригаде оставалось только убирать мины на дорогах. К девяти часам утра мы вошли в город, последние англичане бежали прямо

перед нашим приходом. Я устроил свой командный пункт в мэрии, сам мэр скрылся, но его кабинет сохранил атмосферу роскоши: везде цветы, мебель в стиле Людовика XVI.

Для нас начался период большой тревоги и беспокойства. Ответственность тяжелым грузом легла на мои плечи, царила гнетущая атмосфера неопределенности. Горели топливные резервуары, содержавшие огромные запасы Франции, и ликвидировать пожары только своими силами мы не могли. В городе продолжалось мародерство. Водоснабжение находилось под угрозой. Сотни английских грузовиков, вышедших из строя в последний момент перед уходом британцев, перегородили улицы. Количество захваченного продовольствия не поддавалось учету. На первом этаже городской ратуши лежали пленные. Мое жилье в неповрежденном особняке, стоящем на возвышенном месте, было чрезвычайно комфортабельным, в пышном буржуазном стиле, богатым и даже надменным в своей роскоши. За обедом к нам присоединился итальянский консул. Он скрывался до прихода наших войск и лишился своего дома.

По ночам покоя не было. Время от времени я смотрел из окна на отблески от горящих нефтехранилищ на обширной морской глади. Это продолжалось много дней.

Район порта подвергался бомбардировкам. Нашим зенитным установкам потребовалось длительное время, чтобы уничтожить аэростаты заграждения, оставленные противником. Попутно надо было готовиться к дальнейшему преследованию. Бригаде надлежало переправиться через Сену и наступать по направлению к побережью. Однако в этом месте река была слишком широкая, чтобы сделать это с помощью имеющихся плавсредств. Настоящим испытанием для моих нервов была ответственность за жизнь в городе, спасение продовольственных запасов, поддержание мира и порядка, обеспечение сил, необходимых для дальнейшего наступления.

Когда я отдавал последние распоряжения перед отъездом, в моем кабинете произошло следующее. Заместитель мэра, пожилой седовласый господин, оказывал мне все эти трудные дни и ночи неоценимую помощь. В момент нашего отъезда он выглядел взволнованным и в присутствии городских советников, запинаясь, сказал: «Я не уверен, полковник, позволяет ли мне мое нынешнее положение произносить слова благодарности, но я очень хочу сделать это, так как в это страшное время я чувствовал, что вы стремились помочь нашему несчастному городу». Бригада вновь двинулась по берегу Сены, проведя несколько вечерних часов в Экюа, где останавливалась во время наступления накануне вечером. В темноте мы прошли по заново отстроенному мосту через Сену в Лез-Андели. На следующее утро, когда все наши части перешли на противоположный берег, штаб въехал в роскошный особняк, который уже был «разграблен». Я отдал последние приказания и от усталости с трудом держался на ногах. Адьютант чуть ли не спал на ходу. Часть утра прошла в освежающем сне – на хороших кроватях с чистым бельем. В полдень мы перебрались из Эльбеф в Вимутье, ни разу не столкнувшись с противником.

Местность становилась все беднее. Не встречались большие замки, как в Нормандии. В Вимутье наш штаб расположился в очень симпатичном особняке. Во время обеда в ресторане офицеры держались так, будто находились на маневрах, хотя противник стоял всего в десяти километрах от нас. Официантка была одета в черное шелковое платье с белым фартуком. Однако, когда принесли забрызганную кровью полевую сумку французского офицера, убитого нашим дозором на подступах к городу, идиллия нарушилась.

ВОЙНА ПЕРЕРОЖДАЕТСЯ

Из Вимутье нашу бригаду отправили на запад в направлении к Конде, где ей предстояло овладеть переправами через реку Орн. Южнее дороги, по которой она двигалась, вся территория вроде бы была занята нашими войсками. До Фалеза все шло нормально. На рыночной площади этого города возникали ситуации, которые можно было наблюдать только во время войн XVIII столетия. Туда все прибывали и прибывали пленные. Они мало чем напоминали регулярные войска. Один солдат протестовал против своего пленения, утверждая, что его, отца четверых детей, призвали в армию незаконно.

Шедший в авангарде батальон встретил на Орне сопротивление, было несколько убитых. Здесь, как и везде, мы встречались с противодействием только на дорогах. Привлекли артиллерию, но так как бригада имела в своем распоряжении только 100-миллиметровые пушки и 150-миллиметровые гаубицы, были сомнения, есть ли смысл их использовать. Повсюду местные жители стояли у дверей своих домов, словно война уже закончилась. Один батальон был направлен за Орн дальше к северу, и его бросок был отмечен рождением тех самых широко известных сводок: «Батальон посредством мощных атак захватил две тысячи пленных, не понеся никаких потерь!»

Некоторые наши солдаты по собственной инициативе приблизились к противникам, размахивавшим белым флагом, что привело к неположенным переговорам со сторожевым охранением. Несколько французских офицеров, обсуждавших под белым флагом условия сдачи с рядовыми моей бригады, были объявлены пленными, и они запротестовали. Вслед за этим эпизодом вновь разгорелся бой к востоку от Конде, приведший к новым потерям.

Вечером постоянно требовалось мое присутствие на передовой. Командир французской бригады желал вести переговоры только с офицером в одном с ним чине. Из-за сегодняшнего случая он отказался прийти к нам, но хотел, чтобы я встретился с ним. В конце концов мы оба в сопровождении наших адъютантов вышли с постов охранения, медленно и нерешительно двинулись навстречу друг другу и встретились на середине ничейной полосы.

Французский полковник утверждал, что у него нет никаких полномочий, поэтому он просит пропуск для своего адъютанта, который позволит ему добраться до штаба его дивизии. На все это ушло полночи. После этого противник эвакуировался из Конде. В тылу бригады был кошмар с охраной и транспортировкой военнопленных: их скопилось несколько тысяч. Позже я узнал, что 7-я танковая дивизия, наступавшая бок о бок с моей бригадой, чтобы не терять времени, совершила весь дневной переход под белым флагом.

Возник вопрос: было ли это перерождение боевых действий явлением новым или все так и происходило с самого начала? Не пришлось ли нам вырывать наши громадные успехи у армии, которая решила не оказывать сколько-нибудь серьезного сопротивления? Были ли на самом деле хоть какие-нибудь крупные сражения?

Вероятно, германское превосходство в управлении войсками и в технических средствах преувеличивало заслуги нашей пехоты. Ввиду очевидного разгрома противника все дальнейшие жертвы казались бессмысленными. Наша пехота не имела возможности продемонстрировать, была ли ее наступательная мощь такой же, как в 1914-1918 годах. Тем не менее, на многих участках она сражалась героически.

Только посредством трезвого, спокойного языка военной истории можно избежать вредоносных последствий хвастливого репортажа, искажающего реальность.

По статистическим сводкам, общие потери с германской стороны составляют 45 тысяч человек, и если это число разделить по отдельным дивизиям и по дням, то потери окажутся, как пишут газетчики, «неправдоподобно малыми». Противник потерял 1,5 миллиона пленными.

Когда я анализировал ход этой войны уже в мирные дни, меня поразило предвидение генерала фон Секта, которое в то время другие военные не смогли оценить должным образом. Сект представлял будущую войну как сражения между небольшими профессиональными армиями, в которые войдет элита национальных вооруженных сил: пикирующие бомбардировщики, танковые части, воздушно-десантные войска. Пехота же, сформированная массовым призывом, должна играть по сравнению с ними подчиненную роль. Ход этой войны подтвердил, что Сект был абсолютно прав. Никто не смог предугадать, что разумное сочетание современных видов вооружения так быстро приведет к успеху.

Я и сам считал, что молниеносный разгром Франции наверняка означает окончание войны, и в это верили многие. Тактика захвата территории не могла быть применима к нашему главному противнику – Великобритании – по трем причинам. Во-первых, она имела превосходство на море, в отличие от держав «Оси». Во-вторых, она была членом содружества, охватывавшего половину мира. И наконец, ментальность англичан отличалась от ментальности населения континентальной Европы. Это способен понять только тот, кто годами внимательно их наблюдал. Германская идея насчет того, что в других странах простые люди воюют всего лишь за правящую плутократию, абсолютно неприменима к англичанам. Они сражались за идеалы, которые невозможно было понять в условиях гитлеровского режима. Гитлер призывал народ избавиться от западной демократии как от всего лишь «парламентских свар, арифметики большинства и коррупции жуликов». На самом деле именно демократия обеспечивает англичанам личную свободу, закон и порядок, а также уважение человеческого достоинства. За это они готовы сражаться вечно.

18 июня 1940 года казалось, что война заканчивается. Наступление в западном направлении продолжалось без специальных приказов. Некоторое сопротивление местных жителей мы встретили только в Васси. Множество пленных надо было отправлять в тыл. Днем бригада наконец получила радиogramму из 7-й танковой дивизии, которой командовал Роммель и которой мы были приданы: «Дивизия продолжает атаковать Шербур. Бригада Зенгера должна штурмовать Шербур со стороны Валони».

Нам предстояло выдвигаться в совершенно ином направлении. Несколько часов я ехал на север из Вира с ощущением, что последние выстрелы уже отгремели. Когда мне надо было перебраться через мост в Карантане, местные жители сказали, что англичане его взорвали. Действительно, поблизости виднелись следы от снарядов. Может быть, вновь начинаются бои? В этот вечер до Валони уже было не добраться. Я повел бригаду в направлении на Сен-Ло-Карантан, чтобы с рассветом выступить вдоль восточного побережья полуострова к Шербуру.

На рассвете 19 июля, добравшись до штаба бригады в Сотевиле, я узнал, что со вчерашнего дня части 7-й танковой дивизии дошли уже до западных пригородов Шербура, не встретив никакого сопротивления. Моя бригада должна была наступать с востока.

Я не хотел встречаться с Роммелем, чтобы в дальнейшем быть более свободным в своих решениях, поэтому попросил, чтобы его не беспокоили. Мои батареи 100-миллиметровых орудий были переведены на позиции, согласованные с артиллерией дивизии Роммеля, и отвечали на огонь противника, который он вел с внешних укреплений в глубь суши, главным образом по коммуникациям.

По мере подхода батальоны направлялись на юг в обход Шербура, а затем разворачивались на север к побережью. Обстановка в целом оставалась неясной. Мы видели, как десятки моряков бегут с вещмешками в глубь суши, потому что война для них уже закончилась. Но Шербур все еще оборонялся, до нас доносилась слабая, но непрерывная артиллерийская перестрелка.

Первый батальон, вступивший в бой, наткнулся на минные заграждения и был вынужден использовать тяжелые орудия. Другой батальон был выделен для охватывающего маневра в восточном направлении. Используя дорогу с высокими изгородами, ему удавалось укрываться

от любого противодействия противника. Я решил отправиться на своей машине вместе с этой колонной. Обстановка начала проясняться. Невдалеке слышались приглушенные выстрелы, пули свистели мимо моего уха, и мне показалось, что кто-то пытается меня убить. Когда мы прочесывали прилегающую местность, из укрытия вышли двое моряков с поднятыми руками, но никакого оружия при них не нашли.

Придерживаясь береговой полосы, на полной скорости я вел батальон по узкой дороге к Шербуру. Несмотря на то что шла война, все вокруг было удивительно прекрасным: справа перекачивались на солнце голубоватые волны, а в гавани до небес вздымались желтые клубы пламени от горящих нефтехранилищ. Орудия на внешних береговых укреплениях молчали. Нам были видны и весь город, и вся гавань. Слева выступала возвышенная часть города и просматривались внутренние укрепления. В целях безопасности мы вели наблюдение за линией берегового уступа, четко прослеживаемой на фоне голубого неба. Слева и с тыла все еще доносились звуки слабой перестрелки – там, где наш первый батальон вступил в бой и попал на минное заграждение.

Когда моя машина добралась до центра города, на открытой площади перед гаванью я увидел конную статую Наполеона. Корсиканец указывал правой рукой в сторону Англии. Тогда, как и сейчас!

В полной тишине ко мне подошел начальник шербурского гарнизона и объявил о сдаче территории, гавани и своего гарнизона. Некоторое время мы молча стояли лицом друг к другу, отдавая честь. Затем он пригласил меня в ратушу, где нас в нетерпении ожидал городской совет. Я приветствовал собравшихся краткой речью. Был составлен текст первого плаката-обращения по поводу оккупации. Потом появился генерал Роммель, весьма обеспокоенный тем, что бригада Зенгера опередила его дивизию в окружении города. Местная газета, описывая взятие Шербура, приписала моей бригаде «операцию окружения в традиционной манере германского Генерального штаба».

Оккупированную территорию предстояло очистить от противника. С полуострова пришлось отправить пешком по этапу 12 тысяч пленных.

В этот, по всему последний, день боев мне захотелось еще раз хорошо пообедать, и я отправился в отель, который, как оказалось, был реквизирован для расквартирования 120 пленных морских офицеров. Вежливо поприветствовав, их старший офицер пригласил меня в свой отдельный номер и приставил в качестве денщика очень приличного с виду матроса. Таким образом, я пообедал в одиночестве в качестве гостя моих военнопленных. День или два спустя я нанес визиты четверем адмиралам и двум генералам. Встреча была прохладной, краткой и формальной.

Далее по приказу Роммеля бригада переместилась к Валони. Теперь все хотели мира и спокойствия. В небольшой ратуше я обсуждал с мэром города обращение к населению. Эти переговоры напоминали некую театральную постановку, где я был одновременно и актером и зрителем. По одну сторону стола сидели мэр и двое его советников, а по другую я с двумя офицерами. За окном царил покой жаркого летнего дня, а в помещении было прохладно, и атмосфера маленького городка навевала дремоту. Все это действительно мало отличалось от заседания городского совета в мирное время. Мэр производил впечатление пожилого господина, привыкшего к красивой жизни. Его секретарь был очень почтителен и не проявлял никакой враждебности. Если кто-то из советников выражал несогласие, мэр становился грубым и бесцеремонным. Переводя германский указ на французский язык, он абсолютно не терял своего достоинства. Это был приятный момент канцелярской работы, показавшийся некой идиллией после непрерывного наступления и звуков перестрелки. Я по возможности всячески затягивал переговоры, чтобы продлить происходящий передо мной двойной поединок мэра – с захватчиками, которых он, казалось, считал просто случайным противником, и со своими собственными инакомыслящими сотрудниками, с которыми он все более не соглашался.

Из-за серьезных проблем с отправкой пленных мы перебрались на короткое время в Сен-Ло. Затем штаб бригады переехал в Мартинсвааст.

После заключения перемирия появилась наконец возможность отдохнуть. Я уезжал из расположения бригады и медленно ехал по пустынным сельским дорогам с их бесконечными изгибами, подъемами и спусками. Живые изгороди высотой с дом закрывали, как правило, вид на все, что было по сторонам дороги. То и дело мелькали небольшие домишки, старые, как окрестные горы, они были построены из камней, собранных здесь же на полях, и окружены садами, полными цветов. Частенько дом был просто укрыт розами. Цветники перед фасадами выглядели очаровательно. Когда машина оказывалась на вершине очередного подъема, вид вдаль являл сверкающие на солнце волны с белыми бурунами, а внизу виднелись бухты с желтыми пляжами и разбивающийся в длинные белые линии прибой. Преодолев еще несколько змееподобных изгибов, машина подъехала к дюнам, и вся раскинувшаяся передо мной бухта принадлежала мне одному. Бухта была настолько пустынной, что даже тени скользящей над ней чайки оказалось достаточно, чтобы я вздрогнул. Шум прибоя усиливал это ощущение одиночества. Набегающие волны заставляли меня подпрыгивать, а убегающие снова прочно ставили меня на ноги, омывая песком и белой пеной.

Иногда я выезжал на северо-восточную оконечность полуострова в Барфлер. В первый раз, 20 июня, этот город еще не был занят нашими войсками. Жители казались робкими и испуганными. Зачастую они стояли вдоль стен с поднятыми руками. Но когда я непринужденно заговаривал с ними на простом французском, они быстро оттаивали. У входа в гавань располагилась старая, открытая всем ветрам церковь. Бухта оказалась забитой рыболовецкими судами, которым не разрешалось выходить в море. Солнечный свет играл на их разноцветных парусах. Супруга хозяина гостиницы по-женски дружелюбно вела себя со всеми клиентами, будь то французские рыбаки или немецкие офицеры. Там не было идеальной чистоты, а я внутренне уже не ощущал на себе военной формы, в полной мере наслаждаясь радостью быть просто человеком среди других людей.

ДЕПАРТАМЕНТ ИЛЬ-И-ВИЛЕН

В соответствии с приказом я принял в конце концов в городе Рен управление этим департаментом. Город был заполнен беженцами, в основном теми, кто хотел вернуться в свои дома, но их приходилось останавливать, потому что им не разрешалось въезжать в прибрежную зону.

Все казармы были заполнены пленными. С помощью французских офицеров, врачей и городских чиновников все удалось, так или иначе, уладить. В импровизированном палаточном лагере под названием Шам-де-Марс содержалась смешанная группа сенегальцев и алжирцев.

На железнодорожном вокзале незадолго до прихода немцев авиабомба угодила в поезд, нагруженный взрывчаткой. Там, где он стоял, теперь зияла огромная воронка длиной несколько сотен метров и сто метров шириной. Рядом с ней стояли три или четыре состава, скрученные в бесформенную массу, а некоторые вагоны оказались выброшенными в чистое поле. Говорили, что в этих поездах погибло много английских солдат.

Силы, которые придавались администрации тыловых частей, были явно недостаточны. Войска и штабы дивизий очень неохотно занимались возникающими проблемами. Моя бригада полностью занималась охраной пленных. Под мое командование перешли чужие полки, которыми командовали люди старше меня.

Ситуация усугублялась ослаблением дисциплины в войсках, у всех, от рядового до командира батальона, было лишь одно желание – поскорее вернуться домой. Когда они спрашивали меня, как долго им предстоит оставаться здесь, я неизменно отвечал: два или три года. Обычно это вызывало недоумение, потому что все действительно считали, что война закончена или что их немедленно должны отправить в Англию, чтобы завершить ее там. Похоже, после заключения мира никто не предполагал возможности длительной оккупации.

Власти департамента занимались проблемами возвращения беженцев, обеспечения людей работой, денежного обращения, товарообмена на оккупированной территории, нехватки смазочных материалов и готовились к нормированию продуктов питания.

Каждое утро я сидел в зале для совещаний в городской ратуше. Слева от меня располагался мэр, справа – немецкий комендант района, напротив – представители городских и районных властей во главе с префектом. Последний был невысокого роста мужчина, весьма смысленный, но не выглядевший представительным. Поначалу он сделал несколько попыток сыграть на публику, возражая против повальных немецких реквизиций. Когда понял, что ничего этим не добьется, начал сотрудничать с нами, и в конце концов между ним и мной установилось тайное согласие против всех ничтожеств по обе стороны стола. Вскоре он уже сам требовал, чтобы обходились без них. Немецкий комендант жаловался, что не в состоянии уследить за ходом заседаний, которые я вел по-французски. Но при таком объеме работы у меня не было времени на этого пожилого офицера, который хотя и имел особые полномочия, но был абсолютно некомпетентен в вопросах экономики. В сопровождении префекта я объезжал также некоторые районы департамента, например промышленный центр в Фужере, где простаивало крупное обувное производство. Кроме регулярных заседаний, бывали и отдельные беседы с промышленниками, с архиепископом, а также с владельцами закрытых заведений с плохой репутацией. Большую часть времени в Рене было много работы и мало отдыха. Но как только привезли лошадей, я смог, по крайней мере, заниматься верховой ездой.

Однажды в местном кафе во время ужина за соседним столиком оказалась одна дама. Возрастом за пятьдесят, не слишком аристократического вида, но интересная. С ней было трое мужчин, двое старше, один моложе ее. В десять вечера военный патруль предложил гражданским лицам покинуть заведение, офицерам разрешалось оставаться до одиннадцати. Один из пожилых мужчин за соседним столиком заметил мне с улыбкой, что очень тяжело быть гражданским. Я дал ему понять, что он может оставаться здесь дольше, и это явилось как бы сигнала-

лом для остальных, потому что вскоре все они уже сидели за столом захватчиков и предлагали выпить с ними по стаканчику вина. До полуночи разговор крутился вокруг политики. Этот господин был врачом-рентгенологом, второй пожилой мужчина – муж той дамы – оказался торговцем и говорил мало. Молодой человек владел дамской парикмахерской, и на нем лежала забота о прическе мадам.

Когда в суматохе бесконечной переброски войск меня занесло в другие места, началась более спокойная жизнь. И все-таки мне жаль было оставлять управление департаментом, где приходилось заниматься всеми сферами его жизни и вести дела более или менее самостоятельно.

В Ланьоне моя бригада заняла обширный участок для обороны побережья. Сам Ланьон оказался небольшим симпатичным городком. Личный состав штаба превосходно разместился в больнице, а командный состав устроился в безупречном маленьком отеле. Из моего окна открывался вид на реку и большое здание монастыря, построенное из серого камня, так характерного для этой части страны. На берегу реки сидели, греясь на солнышке, несколько старушек в кудельках. Когда я попытался заговорить с одной из них, она в первую очередь пожелала узнать, англичанин я или немец, и, получив ответ, стала печальной и неразговорчивой.

Когда, будучи проездом в Сен-Мало, я навестил своего старого друга Икс, владельца «Отель-де-ла-Мер», он не скрывал своей радости. Они с женой расспрашивали меня о П. и просили передать ей самые теплые пожелания. Естественно, был заказан омар. Пока штабные офицеры пили аперитив в небольшом городском кафе, я представлял себе, как месье Пие носится по Сен-Мало в поисках самого большого омара. Перед обедом в отеле, до того как мы поднялись по узкой лестнице в столовую на второй этаж, снова были приветствия. Хозяйка сама приготовила обед и, когда он был завершен, вошла в комнату. Кратко приказав служанке выйти, она объявила, что сейчас будет откупорена бутылка шампанского.

Кроме хозяина и хозяйки, там присутствовала ее девяностолетняя бабушка. И уже не в первый раз эта старуха рассказывала историю о том, как в 1870 году во время прусской оккупации умер ее первенец. Теперь она, видимо, тоже скоро умрет. Она находила нас «очаровательными» и посылала воздушные поцелуи. Ее беспокоило только, что «мы могли убить ее детей». Месье был более просвещенным. Он хорошо знал Германию и весь вечер провел в разговорах о политике. Мадам, уже поседевшая, была в белом фартуке. Бледность ее лица подчеркивала ярко-красная помада на губах. Она все еще выглядела привлекательной, у нее были очень маленькие руки и ноги. Вела она себя свободно, как гранд-дама, и была полна очарования. Ее волновало, что губную помаду могут запретить, а это положит конец ее легкому кокетству, ради которого и стоило жить.

Политические разговоры этих буржуа (в отличие от представителей высших слоев общества) почти всегда содержали что-нибудь в таком роде:

– Теперь вы снова взяли верх, как мы в 1918 году. Сначала побеждаем, потом проигрываем – в этом наша самая большая беда. Вы трудились, а мы бездельничали. У вас было эффективно действующее правительство, а наше – ничтожество. Главный преступник – это тряпка Даладьё, который все шесть лет, пока был военным министром, пренебрегал нашим вооружением, его надо расстрелять. Как всегда, за все расплачивается маленький человек, а большие шишки избегают наказания.

– Эта война была не настоящая. Увидев, что англичане бросили нас в беде, и обнаружив, что мы не имеем ничего равного вашим техническим средствам – вашим пикирующим бомбардировщикам и танкам, мы втайне уже настроились на капитуляцию. С этого момента эта война стала войной без полей сражений, без огневых позиций, без атак пехоты и длящихся целыми днями боев. Как убедились наши беженцы, там не осталось ничего, кроме разрушенных городов и верениц разбитых и сожженных вагонов. А между ними мирная и невредимая

сельская местность, по которой вы могли часами напролет гнать свои машины. Для нас это оказалось дорогостоящим поражением, а для вас – полной победой без особых затрат.

– Нам интересно узнать, что на самом деле представляет собой национал-социализм. Мы знаем только то, что он сделал вашу экономику чрезвычайно эффективной и успешной. И все-таки никто не может объяснить нам его политическую программу.

– Здесь среди разного рода мелюзги вы не столкнетесь с сильной враждебностью. Но не обманывайтесь на этот счет. Буржуа, в прошлом правящие во Франции, всегда будут настроены к вам враждебно, поскольку ваш режим нанес неизлечимые раны тем слоям общества, с которыми они связаны, – евреям, франкмасонам и католической церкви.

– Если вы не встречаете здесь особой враждебности, то это главным образом по историческим причинам – в этих местах никогда не любили англичан. Они нас очень сильно подвели. И теперь мы видим весьма заметную разницу между их армией и вашей. Мы часто думаем, уж не грезим ли, когда видим образцовое поведение ваших солдат, о которых мы наслушались ужасов из репортажей во время Польской кампании. Нам трудно свыкнуться с благоприятным впечатлением, которое производит ваша армия, потому что немцы ведут себя лучше, чем британские и даже французские войска, стоявшие в этих местах.

Так говорили местные жители, и это в основном совпадало с тем, что рассказывали пленные французские солдаты. Но с другой стороны, французские офицеры хранили вежливое молчание, так же как местные аристократы и архиепископ.

ФРАНЦУЗСКИЕ КВАРТИРЫ

Жена графа П. в Мартинсваасте оказалась немкой, в девичестве она была баронессой Ш., из семьи берлинского банкира с той же фамилией. Уже полвека она считала себя французской ветви в своей семье, и его седовласая дочь, вдова графа Д., в равной степени свободно владели и французским и немецким. Они никогда не обсуждали политику, были весьма любезны и внимательно относились ко всем нуждам моего штаба. Так, ужин для нас готовили на кухне замка и подавали в великолепном зале, продукты закупались в Шербуре.

Здесь обитали трое французов, которые с хладнокровием приняли свою участь и никогда ни на что не жаловались. Они не обсуждали попусту ни бомбардировки, ни расквартирование в замке сначала англичан, а затем немцев, что совершенно истощило их запасы постельного белья. Они наняли рабочих, которые заменили разбитые оконные стекла. Все трое обладали врожденной элегантностью истинной аристократии. Их единственная просьба оказалась вполне понятной: предать земле все трупы, беспорядочно валяющиеся в парке.

Мне сообщили, что один из наших командиров устроился в замке, где была свора гончих. Офицеры рассказали, что хозяйка замка спортсменка. День ее можно было видеть скачущей верхом, другой – занимающейся своим цветником. Это напомнило мне мою жену. Неправильно считать, что женщине не следует заниматься всеми теми видами спорта, которые привлекают мужчин. Понятия о том, что является истинно женственным, у всех разные. Замок этой дамы стоял в стороне от трассы, в конце трехкилометровой дороги, ведущей через луга и заросшей по обе стороны лиственными деревьями. По лугам прокладывала себе путь речка с деревянными мостиками, запрудами и небольшими мельницами по берегам, встречавшимися на пути к этой великолепной усадьбе – к замку из серого камня, в нормандском стиле, с множеством пристроек, конюшен и т. п. Подъехав ближе, можно было заметить в окне кухни кухарку и сверкающие вокруг нее медные сковородки.

Квартировавший здесь офицер был в отъезде, но слуга доложил о моем прибытии хозяевам, которые в это время сидели за обеденным столом. Небольшой вестибюль был украшен охотничьими трофеями, медными рожками и спортивными фотографиями. Графиня вышла поприветствовать меня. Ей было за пятьдесят, стройная спортивная фигура, несколько грубоватое, английского типа лицо, которое казалось вполне подходящим на фоне лошадей, гончих и охотничьих трофеев. Она прервала свой обед, и мы сразу оказались втянутыми в оживленную дискуссию о воспитании гончих. Мысли графини были заняты исключительно спортивными делами, она была лишена предрассудков, и в ней не чувствовалось ни капли враждебности.

Попытавшись устроиться на постой в другом таком же привлекательном замке с прекрасным парком, принадлежащем семье графа У., я встретил решительный отказ со стороны хозяйки этого дома. Тремя днями ранее ее сестра, графиня, родила шестнадцатого ребенка. Она ожидала приезда своей внучатой племянницы. Несмотря на все это и желая удовлетворить свое любопытство, я очень вежливо попросил показать мне одну из гостевых комнат в ее огромном замке, хотя и решил уже, что не воспользуюсь столь неохотным гостеприимством. Ведя меня в нерешительности вверх по лестнице, она снова спросила, что ей делать, если внучатая племянница все-таки приедет. Тогда я нахально заметил, что существуют такие вещи, как правила расквартирования.

Совсем другим человеком оказался маркиз З. Изучая из любознательности окрестности, а заодно подыскивая квартиру, я случайно набрел на огромный дом с облупившимся фасадом, стоящий за вековыми деревьями. Когда залаяла собака, из дома выскочил сам маркиз, в синем костюме, коричневых ботинках, с несвежим воротничком и сигаретой, зажатой в пожелтевших зубах. Он был сама любезность, представился маркизом, переведя для меня свой титул как

«маркграф», и сказал: «Вы, естественно, кавалерист, я это сразу заметил. Я тоже служил офицером в кавалерии. Во всем мире мы все одной породы. Откровенно говоря, кого-нибудь вроде вас я предпочел бы любому другому».

Щедрым жестом они с женой предоставили в наше распоряжение весь дом. Такой порядок расквартирования напоминал, должно быть, то, что практиковалось среди французских колонистов в Северной Америке в XVIII веке. Корабль доставлял колонистам группу молодых девушек, а потом все зависело от того, чтобы подходящие люди нашли в нужный момент друг друга.

Отношение к нам прекрасной графини Ф., у которой я жил позднее, было таким же, как у маркиза З. Этот последний мой поиск квартиры во Франции начался как роман Таухница начала века. Я занялся поиском чего-нибудь настолько удаленного, что мне пришлось все время расспрашивать, как туда доехать. Один замок показался на первый взгляд нежилым. Он был совсем новым и напоминал только что нарисованную картинку. Когда дверь наконец открылась, хорошо одетый господин не принял нас и отослал в другие имения, расположенные в еще более удаленных уголках за лугами, разгороженными живыми изгородями. Итак, мы отправились дальше. В окне следующего замка показались две девушки, одна очень симпатичная, но, скорее всего, гостя. Другая, менее привлекательная, жила в этом доме. Она показала мне три комнаты для гостей, но не посоветовала оставаться у них, потому что ее мать болела чахоткой. Тогда та, что симпатичнее, предложила мне остановиться в ее доме. Она относилась к этому как маркиз З.: поскольку грозит реквизиция, надо постараться выбрать нужного человека в нужное время.

В некоторой нерешительности она села рядом со мной в машину, и мы двинулись дальше вдоль окаймленных живыми изгородями лугов. По приезде в переговоры вступила ее мать, и в результате практически весь замок оказался в нашем распоряжении.

Главой этого семейства была старая графиня, вдова полковника кавалерии, живущая на скромный доход и из-за нехватки домашней прислуги занимающая этот замок только на лето. Земли в имении не было. Хозяйка до сих пор не имела известий от двоих своих сыновей – кавалерийских офицеров. Молодая графиня была женой старшего сына и жила там со своим пятилетним ребенком. Они сторонились нас, подчеркивали национальный антагонизм, редко улыбались и избегали здороваться с нами за руку.

Это было мое последнее военное жилье во Франции. Я выбрал его в расчете задержаться в нем на несколько месяцев вместе с моими адъютантами – капитаном Горенбургом и принцем Гацфельдом. Там было тихо и уединенно, что соответствовало моим требованиям к хорошим квартирам. Правда, дом располагался не у моря. Искушение занять один из тех замков, в которых парк спускается прямо к морю, было велико, но подходящего дома найти не удалось. Отели для меня исключались. Здесь же в моем распоряжении были большая спальня и гостиная с видом на старый неиспользуемый вход в сад, содержавшийся в совершенной дикости, с множеством роз вдоль высокой стены.

Те несколько дней, проведенных у Г., казались счастливыми, несмотря на неопределенность как ближайшего, так и более отдаленного будущего. Разнородная компания мужчин, разлученных с женами и семьями, создавала некоторые трудности в общении, как это обычно бывает, когда люди случайно собираются вместе. Но все это уходило на второй план. Здесь мы могли отдохнуть после круговерти войны, я радовался тому, что меня непосредственно окружало, – множеству деревьев, мирному сказочному саду. Часто ходил на пляж, слушал, как бьются волны, и наслаждался видом крутых соломенных крыш каменных домиков или маленькой церквушки.

Видимо, человек способен обнаружить полное счастье только в прошлом, когда все невзгоды стираются из памяти, либо в будущем, к которому он может применить свое безмятежное воображение. Истинно счастливые часы оставляют глубокий и прочный след.

Начали приходить запоздалые письма. П., никогда не склонная к слезам, писала, как она плакала, когда церковные колокола возвестили о капитуляции Франции. Между строк я смог прочесть причину этих слез. Ее, как и меня, беспокоило дальнейшее укрепление власти Гитлера. Каковы будут последствия жестоких контрибуций, налагаемых победителем на народы оккупированных территорий? Триумф оружия только подстегнет этих необузданных людей на новые крайности и уменьшит перспективы краха существующего режима. Можно ли избавиться от этой постыдной диктатуры, избежав военного разгрома?

После бешеного темпа прошедшей кампании в тихие часы размышлений все яснее становилась моя личная трагедия. Перед многими гитлеровскими офицерами неизбежно стояла дилемма: им надо было храбро сражаться во имя победы, надеясь при этом на поражение, потому что они любили свою страну.

Переживал я и вспоминая тех, кто бежал в эти места от своих жестоких палачей. Задолго до пришествия Гитлера я считал варварством все формы антисемитизма. Среди моих друзей было много евреев, но ни одного антисемита. Не могу представить себе ни одного более культурного дома в Германии, чем дом моих друзей и родственников Швабахов – в Берлине и в их сельской усадьбе в Керцендорфе. С уважением вспоминаю моего друга Курта Гана, патриота и выдающегося педагога. Скорблю о друге нашей семьи, сменившем моего отца на посту префекта маленького городка в Бадене, который умер во время войны, потому что ему полагалась лишь половинная норма обычного пайка. Вспоминал я и более бедных евреев, не имевших ни связей, ни средств, бежавших за океан, чтобы спасти свою жизнь. Это были добрые люди, более сердечные и более готовые помочь, чем все прочие. Возможно, извечная опасность существования в положении меньшинства послужила для них чем-то вроде очистительного огня.

Как удалось повести германский народ таким неверным путем? Вот какой вопрос задавали себе все мои друзья. Это был какой-то жуткий апофеоз политического и морального опьянения. Иллюзия «расы господ» овладела теми, кого любой нормальный человек воспримет как прямую противоположность «хозяев» – не только по их внешнему виду, но и из-за недостатка образования и всегда отталкивающих манер. Ныне эти люди могли использовать свои скудные мозги для эксплуатации беззащитных граждан, ветеранов прошлых войн, стариков, женщин и детей. Миллионы невежественных, весьма заурядных личностей, покорных государственной власти, не смогли избежать этого ужасного помрачения рассудка. Подобно П., не знаешь, по кому проливать слезы – по невинным жертвам или по массе благодушных сограждан, чей рассудок помутился.

В этой сельской местности я искал именно забвения. С вершины одного из невысоких холмов долина внизу казалась громадным лесом, на самом деле это были тысячи деревьев, разделяющих пастбища и возделанные поля. Меж изгородами петляли узкие тропинки и ручьи. Небольшие домики под соломенными крышами можно было заметить только на огороженных участках, как в Англии. В окнах виднелись лица крестьянок в живописных белых чепцах.

Однажды я нашел какой-то предлог, чтобы войти вместе с моим другом Рором в один из таких домиков. Под дымовой трубой горел открытый огонь, а над огнем висел большой котел с булькающим в нем супом. Каменные плиты пола были безупречно чистыми, медная утварь на полках сверкала, как на солнце. Множество отделанных медью шкафов, за некоторыми из них располагались семейные кровати. Помещение, служившее одновременно кухней, гостиной и спальней, напоминало шкатулку, в которой крестьянка, не обеспокоенная войной, жила в неизменном ритме своей повседневной жизни: ела, спала, воспитывала детей.

В замке кухни тоже представляли собой картинку ушедших столетий. Деревянные стены, потемневшая деревянная мебель и внушительных размеров дымоходы, почерневшие от времени и дыма, контрастировали с надраенной медью на стенах. Еду подавали на стол в глиняной посуде, темное вино играло в отблесках огня. На потемневшем фасаде камина висело единственное украшение – распятие из слоновой кости.

Я стал интересоваться изображениями в камне сцен из Священного Писания, стоявшими под открытым небом на церковном кладбище. Это была гордость деревни. Такие изваяния вокруг низеньких, открытых всем ветрам церквей накладывали свой отпечаток на окрестные сельские земли, так удаленные от суеты внешнего мира, от войны и индустриализации, такие благодатные. Это была особенная местность со своим собственным языком и своими связями с морем.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАДЕНИИ ФРАНЦИИ

Французская кампания внесла новую главу в науку о военных действиях. Успешное вторжение и оккупация этой страны произошли благодаря новому тактическому использованию бронетанковых войск. Когда германское Высшее командование сухопутных войск переложило основное бремя наступления с группы армий «Север» (которая первоначально предназначалась для этих целей) на смежную и действующую южнее группу армий «Центр», появились условия для прорыва. На севере быстрому продвижению танковых дивизий помешала бы густая сеть каналов. Французское Верховное командование распылило свои силы, поскольку считало, что вся линия фронта будет занята в соответствии с формулой Мажино. В результате у него не оказалось достаточно мобильных сил, которые можно было бы бросить против тарана германской брони.

Но это не единственное объяснение. На стратегию оказывали влияние и политические соображения. С одной стороны находился самовластный диктатор, пренебрегавший любыми советами и не совсем ясно представлявший себе возможности этого наступления на западе, которое он в любом случае не собирался продолжать. Но таким образом он завоевал у немецкого народа репутацию весьма одаренного стратега, умелая дипломатия которого устранила необходимость вести войну на два фронта и отомстила за поражение в 1918 году. С другой стороны, армии союзников возглавляли люди, исполненные решимости любой ценой избежать повторения кровавой бойни, подобной той, что была в Первую мировую войну. Следовательно, планы союзников и их осуществление пострадали от нерешительности их лидеров.

Оказавшись в безнадежном положении, британский экспедиционный корпус действовал в одиночестве и в конце концов бежал. Некоторое время его успешная погрузка на морские суда казалась необъяснимой, но это было всего лишь признаком того, как вяло вели войну сами немцы. Ведь их оперативное превосходство должно было гарантировать недопущение погрузки противника на суда. Они отнеслись к этому как к делу второстепенному, потому что масштаб их победы еще не был полностью оценен, и, кроме того, они боялись возможного поворота событий, как это произошло на Марне в 1914 году. Считалось, что ликвидацию британского экспедиционного корпуса может взять на себя группа армий «Север», пехотные дивизии которой, шедшие на правом фланге вдоль побережья, наступали медленнее. Гудериан, образцовый представитель современной школы танкового боя, решительно выступил против использования своих танков, так как на размокшей от дождей болотистой местности подобная атака оказалась бы бесполезной и привела бы к ненужным потерям. К тому же половина танков нуждалась в срочном ремонте, чтобы «быть пригодными к другим операциям в ближайшее время». В сложившейся обстановке такого же мнения придерживались и другие старшие офицеры, многие из которых были убеждены, что германские ВВС воспрепятствуют эвакуации британского экспедиционного корпуса. В Германии едва ли не каждый понимал, что оккупация Франции может повлечь за собой серьезные оборонительные проблемы, связанные с недостаточными военноморскими силами нашей страны. Немцы оставались слепы в отношении многочисленных ошибок в действиях англичан в Норвежской кампании, потому что игра в рулетку с немецким десантом принесла выигрыш. Это правда, что германское Верховное командование не рассчитывало на длительную войну; было ясно, что в такой войне ВМС Германии не смогут обеспечить защиту французского побережья. Однако такая ситуация вынуждала принять тактику Мажино, включая оборонительные мероприятия вдоль всей береговой линии, привлечение для этого больших сил, с учетом нехватки резервов и риска, что вся эта оборонительная система может быть выведена из строя одним успешным десантом противника под прикрытием его превосходящего военно-морского флота.

Корейская война 1950 года дала еще один пример тех проблем, которые возникают в ходе операций вторжения, подобных германской оккупации Франции. Северо-корейские бронетанковые силы осуществили неожиданный прорыв на юг и оккупировали почти всю Южную Корею. Но там контрудар последовал еще раньше, чем во Франции, когда войска Макартура под прикрытием около 260 боевых кораблей высадились одновременно в пяти пунктах в тылу агрессора, превратив победу противника в его поражение.

Поэтому Французская кампания не только дала пример смелого и решительного применения танков для быстрой оккупации страны и разгрома вооруженных сил великой державы, но и породила ряд проблем, оставленных без внимания в 1940 году. Эти проблемы возникли в результате исключительно сухопутного вторжения без средств защиты и удержания завоеванной территории от десанта противника с моря.

Предположение, что Гитлер сам хотел позволить британскому корпусу эвакуироваться, доказать невозможно, но это вполне вероятно, поскольку он немедленно согласился с соответствующим решением главнокомандующего группой армий «Центр». Гитлер никогда не думал, что Великобритания объявит войну Германии. Когда, несмотря на прогноз Риббентропа, это произошло, Гитлер был растерян и обескуражен. Поэтому вполне возможно, что он надеялся все-таки добиться соглашения с Великобританией. Но диктатор перехитрил самого себя, и теперь было уже слишком поздно. Он не консультировался с нормальным демократическим правительством, которое скрупулезно изучает все обстоятельства дела, а возглавляющий его премьер-министр постоянно совещается со своим кабинетом, и последнее слово всегда остается за парламентом, отражающим волю большинства населения. Диктаторы зачастую слабо разбираются в международной политике, поскольку в своих отношениях с другими народами склонны использовать те же примитивные методы, что и в отношениях с собственным, лишенным всех политических прав населением.

Французская военная промышленность оказалась вынуждена работать во всю свою мощь на вооружение Германии. Подневольное французское правительство заставили обеспечивать рабочей силой германские предприятия, так как всех немцев, способных держать оружие, призывали в армию. Без промышленного потенциала Франции Гитлер не смог бы продолжать войну так долго. Это было громадным преимуществом, которое он извлек из поражения Франции.

Глава 2

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОЮЗНИК

ФАСАД

В июле 1940 года я получил приказ установить связь между двумя комиссиями – франко-германской и франко-итальянской – в штабе последней, который находился в Турине. Добираясь на машине до своего дома в Геттингене, я неожиданно встретил конный эскадрон моей бригады, который перебрасывали для соединения с основными силами. Я не удержался и вышел из машины, чтобы похлопать по шеям наших прекрасных боевых лошадей. Отныне я разлучаюсь с ними навсегда. Никогда я уже не буду прежним, и больно было осознавать это. Мысленно я проследил взглядом всю свою военную карьеру и ту роль, которую в ней играли лошади. Я стал кадровым офицером по чистой случайности. В начале Первой мировой я был студентом седьмого семестра, но о будущей карьере никогда не задумывался. Два года (1912-1914), проведенные в Оксфорде, полностью изменили мое мышление. Это не было подготовкой к тому, чтобы зарабатывать средства к существованию. Система проживания в колледже привлекала меня еще до того, как я испытал ее на деле. Мне нравилась размеренная жизнь в старинных зданиях. Я жил в атмосфере гуманитарных ценностей, с определенными элементами роскоши, среди прекрасных старинных парков. В великолепных обеденных залах стояли дубовые столы, а на них – серебряные приборы. Дважды в день мы собирались в часовне для молитвы, присутствие на которой было обязательным и для англиканцев, и для лиц, не принадлежащих к государственной церкви.

Перед войной я прошел короткую военную подготовку. Когда началась война, меня быстро произвели в офицеры запаса в том полку, к которому я был приписан в мирное время, – во Фрайбургском полку полевой артиллерии. Потом я стал кадровым офицером. За поражением в 1918 году последовал двухлетний переходный период, бывший сродни гражданской войне, во время которого, 2 декабря 1919 года, я женился на П. Затем два года учебы в кавалерийском училище в Ганновере, мой перевод в кавалерию и одиннадцать мирных лет службы в Канштаттерском кавалерийском полку. За это время у нас родились сын и дочь. Потом краткая служба в Ганновере, где мне, адъютанту кавалерийской бригады, настолько нечем было занять себя, что мы поселились в деревне под одной крышей с лошадьми в самом центре охотничьего хозяйства. После этого меня перевели в Берлин, там было четыре года напряженной службы в инспекции кавалерии до тех пор, пока в 1938 году я не принял командование кавалерийским полком в Геттингене.

Таким образом, я ни разу не закончил полностью курса ни одного военного училища. При сдаче необходимого экзамена меня сочли слишком старым, чтобы начинать карьеру офицера Генерального штаба. Я так обрадовался, что расстанусь с трудностями постоянных перемен места жительства и смогу остаться со своими лошадьми! Купив дом в пригороде Канштатта, я год наслаждался там мирной жизнью.

Среди армейских офицеров редко встретишь хороших наставников. Одним из них был мой командир эскадрона барон Гейр фон Швеппенбург, а другим – мой полковой командир барон Вейкс. Оба были людьми незаурядными. Гейр оказался во всех отношениях современным и неортодоксальным командиром. Многие считали его лучшим специалистом сухопутных войск в области боевой подготовки. У него была привычка проводить даже самые незначительные учения в реальной боевой обстановке; проводил он их в основном по ночам, а после учений главный упор делал на то, чтобы подчиненные высказывали по ним критические заме-

чания. Будучи накануне Второй мировой войны германским военным атташе в Лондоне, он своевременно предостерегал нас от недооценки англичан. Во время Польской кампании Гейр особо отличился в качестве командира танковой дивизии.

Барон Вейкс был спокойным, вызывающим доверие человеком, которого очень уважали все сослуживцы. Подобно Гейру, он был прирожденным лидером. Оба этих человека прези-
рали окружение Гитлера и полностью осознавали опасность, грозящую нашей стране.

Созданный Сектом рейхсвер⁷ представлял собой хорошо сплоченные войска, почти полностью состоящие из преданных солдат, оставшихся на действительной службе. Ныне офицеры не продвигались по службе за счет своего высокого социального положения, что часто являлось основным критерием во времена монархии. Рейхсвер упрекали в том, что он создал государство в государстве, так же как прусских военных обвиняли в создании собственного государства или, по крайней мере, в господстве над ним. Говорят, что изолированность рейхсвера подорвала демократические основы Веймарской республики. Армия не стала составной частью государства. Многие из этого было правдой. Веймарская республика, подобно рейхсверу, стала объектом давления со стороны как крайне правых, так и левых. Между такими жерновыми ни одна подлинная демократия не могла бы стать процветающей. Рейхсвер оставался лояльным к центристским правительственным коалициям. Правда, многие офицеры были реакционерами и склонялись к монархии, но они не одобряли государственный переворот или объединение с партиями и группировками, враждебными государственной власти. Они брали пример с Секта. Он служил образцом, которому не было равных, – аристократ, осмотрительный, образованный, элегантный, состоятельный и, благодаря своему положению, не подвергавшийся критике со стороны военных. Его отношение к явно недалекому, но разумному военному министру Гесслеру было довольно прохладным и нелюбезным, поэтому он не мог дать офицерскому корпусу пример подчинения военных дел политической власти.

Мой перевод в Высшее командование сухопутных войск – эквивалент прежнего военного министерства – состоялся почти одновременно с приходом Гитлера к власти. 30 июня 1934 года я стоял со своим сыном-школьником у окна нашего славного дома в Далеме. Мальчику хотелось знать, что означают непрерывные взрывы на улицах. Я объяснил, что это истребляют друг друга люди, которые, начав править Германией, не принесут ей ничего хорошего.

Тем не менее та бойня повлияла на судьбу наших вооруженных сил. Гитлер сделал выбор в пользу рейхсвера, пожертвовав при этом несколькими сотнями человек, большинство которых были невинными. В ходе предстоящего расширения армии СА⁸ требовали для своих штурмовиков офицерских должностей, что было вполне естественно, потому что их лояльность фюреру способствовала созданию нового государства, и, следовательно, они хотели, чтобы их старые боевые товарищи вошли в состав нового вермахта. Гитлер, несомненно, понимал, что если он передаст армию в руки СА, то окажется в зависимости от этой организации. На самом деле никогда не было доказано, что СА намеревались участвовать в этом заговоре. А Гитлер облегчил бы себе захват власти, если бы заставил замолчать или устранил тех оппонентов в партии, которые хотели свести с ним счеты. Дьявол пошел по своей дорожке.

До сих пор я не жалел, что служу в армии. Только несколько старших офицеров Верховного командования смело переметнулись в лагерь нацистов, то ли потому, что им недовольствовало политического чутья, то ли из-за личных амбиций. Но оставалась еще значительная часть генералов, людей порядочных, которые понимали никчемность диктатуры как таковой и, особенно, самого Гитлера. Среди них были Бек, Фрич, Генрих фон Штюльпнагель, Эрвин

---

⁷ Рейхсвер – вооруженные силы Германии в 1919 – 1935 гг., ограниченные по составу и численности условиями Версальского мирного договора 1919 г. Вербовались по найму. В 1935 г. фашистская Германия отменила ограничительные военные статьи Версальского договора и приступила к созданию вермахта на основе всеобщей воинской повинности.

⁸ СА (Sturmabteilungen, SA) – штурмовые отряды, в 1921 – 1945 гг. в Германии полувоенные соединения национал-социалистической партии, орудие террора и физической расправы с противниками фашизма.

фон Витцлебен, Фелльгибель, Олбрихт и десятки других. Что касается прочих, то они могли оправдываться «ослеплением», что на самом деле и произошло со многими сынами немецкого народа, и никогда их не было так много, как после кампании во Франции. За всю свою историю несчастный германский народ никогда не имел возможности познать суть демократических процессов или действовать в соответствии с ними. Еще во времена Первой мировой войны меня поражала политическая слепота многих офицеров. Вместо того чтобы сопротивляться, немцы видели политическую стабильность в том, что верили существующей власти. Так было во времена монархии, так осталось и теперь, особенно по отношению к роли армии в рамках государства. Политического контроля над Генеральным штабом не было. Эта прославленная структура, по мнению многих, обладала всеми качествами, необходимыми для ведения победоносных войн, и стала спасителем нации в XIX веке. Такая ситуация повторилась и при Гитлере. Настал тот день в Потсдаме, когда произошло примирение между фельдмаршалом фон Гинденбургом, президентом рейха, и Гитлером. Разве не воскресли черный, белый и красный цвета?⁹ Разве не утихли «партийные дрязги»? И разве политически безгласные люди не считали их всех едиными – фюрера и монархистов, вермахт и партию?

Мы, пережившие все это, не строили иллюзий, потому что понимали психопатически криминальный характер этого трибуна. Хотя я был всего лишь начинающим штабным офицером, у меня иногда появлялась возможность откровенно беседовать с Хаммерштайном и Фричем. Традиции Генерального штаба слишком глубоко укоренились в прусскую почву, чтобы многие офицеры из старинных прусских семей могли перестать мыслить самостоятельно. Кроме того, они сохранили христианскую веру и понимали, что это есть новое пришествие Антихриста – с преследованием невинных, пренебрежением законов, деспотизмом, отсутствием личной безопасности граждан и с национал-социалистическими иллюзиями.

Прибыв в Турин в конце июля 1940 года для обеспечения связи между работающей там франко-итальянской комиссией по перемирию и франко-германской, базирующейся в Висбадене, я не ощущал себя чужаком. Ранее я путешествовал по Италии как частное лицо, а в 1938 году посещал ее с военной миссией. Полученные тогда мимолетные впечатления укреплялись теперь благодаря войне. Италия стала для меня вторым домом.

Чтобы выработать объективную оценку южного партнера Германии, необходимо учесть множество факторов, а именно политические тенденции, историю и традиции, различия между, так сказать, фасадом итальянского режима и того, что за ним.

Фасад представлял собой фашистский режим, связанный с монархией. Когда восемнадцать лет назад фашисты захватили власть, они сохранили монархию, зная, что она слишком глубоко укоренилась в умах людей, особенно здесь, в Пьемонте, где правящая династия пребывала на троне на протяжении последних восьми столетий. Монарх мог рассчитывать не только на исторически сложившееся уважение к королевской власти, но и на уважение лично к нему, ведь он правил почти сорок лет. Во время Первой мировой войны он сначала сохранял нейтралитет своей страны, а потом вступил в войну на стороне победителей.

Внешне фашизм только укрепил позиции монархии. Он сделал свой выбор в ее пользу и мог теперь силой подавлять антимонархические движения, всегда существовавшие в Италии. Таким образом, фашизму удалось заручиться поддержкой различных консервативных кругов, а последовавшая за этим видимость межпартийной борьбы доставляла удовольствие многим гражданам. И все же такое общественное примирение было обманчивым. Не могут во главе государства стоять одновременно монарх и диктатор. Между ними всегда будет соперничество, даже если монарх отречется от всех своих политических позиций и прав. Виктор-Эммануил III поступил наоборот.

---

⁹ Цвета государственного флага Германии до 1918 г.

Наиболее трезво мыслящие представители общества давали монарху больше шансов на выживание, поскольку с их помощью обеспечивалась некая преемственность, тогда как власть фашистского диктатора была такова, что рисковала собственным будущим. То же самое было и в Германии. Человек, сумевший захватить власть путем государственного переворота или иных политических потрясений, приобретает на некоторое время такое влияние, что не может быть и речи о нормальном преемнике. Чем дольше правит диктатор, тем моложе должен быть преемник. Однако и в Германии, и в Италии это шло вразрез с традицией награждать «старых сотрудников» и умиротворять оппонентов. Следовательно, если диктатура желает увековечить себя в новом и продолжительном правлении, придется обойти старых соратников и прочих активных политических деятелей в пользу молодого кандидата в преемники. А любой подобный поворот обязательно включает насилие. Таким образом, видимая сила правительства без законодательного базиса оказывается слабостью – реалья, которую мало кто предвидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.